

После расставания с театром и возвращения в Нижний в течение довольно длительного времени с какой-то маниакальной периодичностью меня мучил сон. Снилось училище – либо каким оно было всегда, либо как будто расстроенным, увеличенным за счёт соседних зданий. Знакомым

и нет одновременно... Я брожу по нему с непомерной, почти до слёз тязжестью в душе, мучительно пытаюсь решить нерешаемую задачу: я, взрослый мужик, страшно хочу опять в нём учиться, но во сне почему-то не возраст тому помеха, а то, что у меня уже есть «высший» диплом. Я топчусь возле учебной части в надежде придумать какой-нибудь «трюк», чтобы обойти это препятствие, а он не придумывается, потому что этот тот самый случай: «не может быть, потому что не может быть никогда...» В последние годы – отпустило...

Родился я за три с небольшим месяца до окончания войны в разорённом этой войной селе под Полтавой. Село называется Розсошенцы. До города где-то семь километров. Современная Полтава разрослась, и теперь там большой микрорайон...

Если же быть совсем точным, то моё появление на свет случилось 25 января 1945 года в чудом уцелевшей украинской хате на простой деревянной кровати, невесть когда сработанной сельским плотником. Роды благополучно приняла бабушка Анастасия Самойловна (хотя по возрасту «бабушкой» она ещё не была, но формально, благодаря мне, ей стала). Я же стал первым в семье и – таки да! – самым любимым внуком на долгие годы.

Дед мой, Прокофий Николаевич прошёл в рядах конницы Первую мировую войну, потом Гражданскую в чапаевской дивизии. В мирное время был ветеринарным фельдшером, а проще говоря – коновалом. Врачевал всякую деревенскую животику, по необходимости её же резал... Фамилия его была Сидоренко, а если по-украински правильно – СидОренко, с ударением на первое «о». Так что матушка моя, Любовь Прокофьевна, – «чистокровная хохлушка». Отец же, Пётр Матвеевич, напротив – «чистокровный кацап», родом из села Ольховец, что почти в тех же семи километрах от райцентра Лебедянь Липецкой области. Я не «фанат» конспирологии, скорее отношу какие-то совпадения к курьёзам, но дед по отцу, Больных Матвей Фирсович, был также деревенским «фершалом», но уже лечил не скотину, а людей.

Мама перед самой войной закончила курсы медсестёр, отец в то же время – железнодорожный техник. Война свела будущих моих родителей на Карельском фронте. Правда, не на передовой. Но от того не легче и не проще им было выжить под бомбами в Заполярье на восстановлении и реконструкции Мурманского порта, принимавшего знаменитые ленд-лизовские караваны от союзников.

Небольшой до войны, заштатный, сплошь деревянный Мурманск был фактически в одно мгновение сожжён фашистской авиацией. Но сам порт был кровно необходим, нуждался в радикальной реконструкции и расширении (до войны он не способен был принимать крупнотоннажные суда), строительстве складов, подъездных путей и прочее, прочее, прочее... Немцы же мало того, что охотились за караванами в океане, стремились «добить» их уже в порту, так сказать, по прибытии, и несмотря на мощную ПВО, доставалось и судам, и порту, и городу.

В нечеловеческих условиях жили. Жили в сырых и холодных землянках, под непрерывными бомбёжками восстанавливали разрушенное, строили новое, а тут ещё из приполярной тайги на железную дорогу совершали вылазки финские диверсанты, беспощадно убивая строителей. Маму, из её рассказов, почему-то особенно потрясла гибель танкового экипажа, стоявшего в охранении, – видимо, устали ребята, уснули, да и не проснулись, – были вырезаны финнами, пустившими в дело их знаменитые «финки» – пуукко...

Так и шло своим чередом: мама под бомбами таскала и выхаживала раненых, отец, в должности дорожного мастера, под теми же бомбами строил и восстанавливал главную железнодорожную «артерию» между Мурманском и «Большой землёй».

Забегая вперёд, добавлю: родители после окончания войны считались не тружениками тыла, а полноценными участниками ВОВ.

Когда война окончательно и бесповоротно закончилась, отец поступил в Ленинградский институт инженеров транспорта и по окончании стал мостостроителем. Мама осталась в Полтаве, и какое-то время родители вместе не жили, да и в браке официально не состояли.

Первые послевоенные годы на Украине были годами страшного голода, доходило до того, что (по рассказам родных) дед Прокофий отправлялся пешком в Полтаву, чтобы путём «натурального обмена» добыть хоть какую-то еду. Не раз терял сознание от голода прямо на улице. Его подбирали добрые люди, тащили до ближайшего госпиталя или больницы, там ему делали укол-другой глюкозы, чем приводили в чувство...

Чтобы хоть как-то облегчить жизнь семьи путём сокращения числа «едоков», а также ради хоть какого-то заработка, мама со мной на руках, в компании очень шустрой и пробивной младшей сестры тётки Тани, махнула в закрытый тогда город-порт Севастополь, что по тем временам было очень и очень непросто. Работали они в госпиталях, я ходил в детский сад, а жили мы – в пещере! Это был целый пещерный посёлок, город был разрушен дотла, и люди селились, где только могли. К тому же до жилья надо было переправиться через бухту на регулярно ходившем катере.

Во время войны в пещерах были госпитали, мастерские, склады и прочее, а после стали жить люди, причём это жильё мы снимали! Жили – наша «квартирная» хозяйка, мама с тёткой и я. От моря нас отделяла деревянная стена с окном и входной дверью. Море мерно перебирало камешки шагах, наверное, в двадцати ниже пещеры, играло буро-зелёными космами водорослей, в которых, если тихо постоять у прибоя, ножевым блеском нет-нет да и мелькало серебристое тельце мелкой рыбёшки... А ещё можно было перевернуть на мелководье камень покрупнее, и из-под него во все стороны прыскали крошечные крабики, и бесполезно было пытаться поймать хотя бы одного из них!

В шторм, до самой пещеры поднималась йодисто-солёная водяная пыль, которую так сладостно было слизывать с губ и вдыхать полной грудью...

Детский сад был рядом с пробитой насквозь со всех сторон снарядами церковью почти без крыши и куполов. Кое-кто из нашей детсадовской братии, и я в том числе, лазали туда за битыми цветными стёклышками от витражей, при этом обмирая от страха и пугая друг друга...

Новый год в тогдашнем послевоенном детском саду. Помню бедно украшенную ёлку с хаотично набросанным ватным «снегом», а больше ничего толком не помню. Кроме «подарка», конечно. Пакет из серо-коричневой, твёрдой, как фанера, крафт-бумаги (название которой узнал уже в зрелом возрасте). Внутри, наверное, какие-нибудь дешёвенькие конфеты и несколько печенек. Но не это главное! Главное – в подарке: небывалой красоты балеринка, застывшая в танцевальной позе! Была она из прессованного вместе с фольгой твёрдого картона, плоская, но двухсторонняя, ярко раскрашенная, с нитяной петелькой, вклеенной в головку... Для кого-то это была просто, как сейчас бы сказали, «бюджетная» ёлочная игрушка. Но не для меня!..

Другим детям тоже достались картонные игрушки: зверушки, человечки, звёздочки – кому что, но только мне – эта единственная на свете, необыкновенная...

Стоим с мамой на пирсе, ждём катер, стемнело, севастопольская зима бесснежная, но временами зыбкая. Наконец подходит катер, подают трап. Одной рукой держусь за мамину руку, в другой руке – за петельку – драгоценная балерина. Ступаем на шаткий трап. Тёмная, страшноватая вода с хлопком бьётся между бортом катера и пирсом. Вдруг трап на секунду уходит из-под ног, я теряю равновесие, судорожно взмахиваю рукой – и!.. Петелька соскальзывает с пальца, моя балерина, прощально блеснув, золотой рыбкой исчезает в чёрной воде...

Наверное, это было первое осознанное и страшное детское горе.

Весь путь до нашего «дома» – неудержимые слёзы, до спазма, до икоты – и память на всю мою достаточно длинную и, скажем так, разнообразно-нескучную жизнь, в достаточной мере находки и удачи, и столь же немалые потери и провалы... Эта потеря была первой и, наверное, потому такой памятной.

Потом была болезнь, тяжёлая, практически смертельная. Выкарабкался, благодаря маме и, наверное, Богу. Видать, у него на мой счёт были какие-то свои соображения... Выздоровление запомнилось отвратительным рыбьим жиром, который заедался спасительным кусочком чёрного хлеба с солью и запивался необыкновенно вкусным жиденьким чаем с глюкозой и аскорбинкой.

Потом опять были благословенные Розсошенцы, любимые дед с бабушкой. Жить в селе стало чуть легче, и время это – кусочек безоблачного счастливого детства – тема для отдельного и более просторного рассказа...

После того, как говаривали раньше, родители «сошлись», жизнь пошла в почти буквальном смысле по другой «колее». Профессия отца – инженера мостостроителя – так или иначе была связана постоянными переездами со стройки на стройку. Жить приходилось в вагонах, временках, бараках. Жили, не скрою, тяжело, такое было время. Но это не помешало появиться на свет братцу Серёже. Сейчас мы оба – старики, но взаимная приязнь и дружба, заложенные в нашем общем детстве-отрочестве, с годами не только не ржавеют, а только крепнут.

Окончательно семья «бросила якорь» в середине 50-х прошлого, 20-го века в городе, тогда ещё Горьком. Началось всё со стройки железнодорожного моста в Стригино, следом Молитовский, Мызинский мосты и т. д.

Мама так всю жизнь и проработала медицинской сестрой. В войну и сразу после – выхаживала раненых. А уже в Горьком, почти до самого ухода из жизни, выхаживала новорожденных в родильном доме.

Так что отец оставил людям после себя мосты, а мама стране – несколько поколений здоровых граждан. Ну, само собой, и нас с братом.

Посёлок, где мы с братом выросли, лепился одним боком к окраине другого, издавна тут бывшего посёлка Стригино, другим – к Стригинскому бору. Вернее, к тому, что осталось от того, каким бор был в стародавние времена.

Бор разрезала мощная железнодорожная насыпь, по ней с грохотом шли на мост бесконечные тяжело нагруженные составы, а над домами с натужным рёвом взлетали пассажирские самолёты. Рядом был аэропорт. Посёлок начинался с бараков, исчезнувших не скоро, некоторые дожили аж до начала 70-х.

Стригинский бор, Ока были нашей пацанской вотчиной. Родители тяжело и много работали, не до изысков педагогики им было, так что воспитывала нас по большей части улица, причём порой в буквальном смысле.

Дело в том, что строительная организация под названием Мостотряд № 1, по слухам, была сформирована во время войны где-то на Украине. Был Мостотряд № 1 передвижным и, двигаясь по территории Советского Союза, от стройки к стройке, как огромный пылесос всасывал в себя людей разных национальностей. Украинцы, русские, грузины, евреи, татары, эстонцы, чувашаи (даже китаец!) – короче, всех не перечесть – были нашими соседями и друзьями. Так что за уличной гопкопанией моего младшенького братика, так или иначе, был «интернациональный» пригляд, пресекавший мелкие шкоды и прегрешения. Сказать, что в посёлке жили дружно – это ничего не сказать. Это была большая крепко спаянная семья, и дети реально были общими, сообща и воспитывались. А «интернационализм» для меня с тех пор никогда не был скучным книжным понятием. Если угодно – я жил в нём, и никакие события, начавшиеся в печальнопамятные 90-е, не сломают этого моего «заблуждения»...

На берегу Оки, минутах в двадцати пешком от дома, был завод мостовых железобетонных конструкций, до разорения и гибели в 90-х дававший работу поселковому люду, жизнь многим мостам и далеко не только в Горьком.

С него и началась моя «трудовая биография», на нём фактически всю вторую половину жизни проработал отец – главным инспектором по качеству продукции, позже поработал и брат Сергей.

Учился я неважно, виной были частые переезды, потом очередная затяжная болезнь. Я постоянно был в положении «догоняющего». Так что после восьмого класса пришлось перейти в вечернюю школу, но сначала, не дав и дня на раздумья и рефлексии, отец определил меня на упомянутый завод. Там я был зачислен в бригаду слесарей-ремонтников, в которой – день в день – проработал шесть лет. О чём ни минуты не пожалел в последующее время.

Моих заводских учителей и товарищей вспоминаю с огромным уважением и благодарностью, т. к. многие из них были настоящими мастерами своего дела, воистину виртуозами, многому меня научившими. Кстати. Несмотря на наличие отца «начальничка», послаблений мне никаких даже в виду не имелось – пахал наравне со всеми. Да не прозвучит высокопарно, за шесть рабочих лет «школу жизни» я прошёл вполне серьёзную...

Но тут вдруг обнаружилось, что я заболел театром хронически и необратимо.

Первый «успех» был ещё аж в школьном драмкружке.

Я безответно, как водится, был влюблён в одноклассницу Лиду Гришину – отличницу, красавицу, чистюлю. Кружевной воротничок, белый передничек и прочее... Сам же я был нехорош собой, тощий, длинный очкарик с очевидными следами пубертатного периода на физиономии, об успеваемости вообще молчок. Словом, шансов на взаимность – никаких. И вот как-то репетируем мы с училкой по литературе в пустом классе, как сейчас помню, чеховскую «Лошадиную фамилию». Ну, репетируем и репетируем, как можем. Вдруг в разгар репетиции в дверь тихонько прошмыгивает любопытная Лидка. И тут меня – как бес под ребро. При виде объекта страданий я выкидываю какой-то то ли «фортель», то ли «трюк», то ли «карючку» (правда, этот термин узнал через множество лет уже в Школе-студии). Случается неожиданное. Барышня начинает смеяться, причём всё громче и громче, затем смех приобретает истерический оттенок, потом просто переходит в реальную истерику с отпаиванием водой и стуком красивых белых зубок по краю стакана...

Вот такой был успех, но столь желанной взаимности, увы, так и не случилось...

Весна года эдак 1963-го, возможно, конец марта – начало апреля. Зима, похоже, окончательно сдалась. С горя рассопливилась, потекла, подтапливая окаменевшие маслянисто-грязные городские наледы и бывшие сугробы... Солнце всерьёз взялось за дело, и стайки ошалевших воробьёв на кустах и деревьях шумно базарили, отчаянно и показно дрались, тут же охлаждая пыл в ближайших чуть подогретых лужах...

Трое «гарных хлопцев», прилично, по моде тех лет одетых, выглаженных, побритых и наодеколоненных (как-никак выбрались «в город», как говаривалось в нашем рабочем окраинном посёлке), не спеша двигались по тротуару вверх по Лыковой Дамбе, огибая лужи, ручейки и сторону проезжей части. Талая вода текла валом, и надо было быть начеку и вовремя увернуться от лихого «водилы», норовящего окатить грязью наутюженные штаны и надраенную обувь. Одним из троих, понятное дело, был я, а двое других – мои товарищи и «коллеги» Лёнька и Витька. Все мы работали на одном заводе. Лёнька был станочником, а я и Витька слесарили в одной бригаде. Без ложной скромности – хлопцы мы были видные, роста немаленького (особенно Витька, где-то на полголовы повыше нас и пошире в кости). Тяжёлая физическая работа во

все времена года по преимуществу на воздухе (такова была специфика завода мостовых железобетонных конструкций), законы кулака и прочая народная дипломатия в общении с местным контингентом (посёлок состоял из «понаехавших») – всё это научило нас быть ко всему готовыми и немалому уменью постоять за себя.

Что нас привело на Лыковую Дамбу? Привело, собственно, меня, а ребята увязались за компанию из любопытства и с целью ещё и пошляться по центру города, что случалось совсем нечасто. А моей, собственно, целью была улица Добролюбова, на которой в помещении бывшего (теперь опять действующего) храма тогда и было Горьковское Театральное Училище. Сознательно пишу все слова названия с большой буквы – таковым для меня оно было, есть и будет до гроба.

Дело в том, что за некоторое время до этого приключения в посёлке был построен (именно построен, а не приспособлен из барака или церкви, как часто бывало тогда) полноценный клуб с кино и танцевальными залами, с помещениями для кружков и т. п. В драмкружке нашего клуба я через недолгое время стал «жанпремьером» и по «датским» дням, после наших самостоятельных концертов, получал неизменную порцию оваций от неизбалованной, а главное – невзыскательной поселковой публики. А уж выйдя в понедельник на работу, прямо-таки купался в лучах славы заводско-поселкового разлива. И посёлок, и завод с ним рядом занимали сравнительно компактную территорию, и на этой территории практически знал меня если не каждый первый, то уж точно – каждый второй! И понятно, что через какое-то время мыслишки, ещё толком не оформленные, ни на что серьёзно не опёртые, нет-нет да стали будоражить мою буйную головушку, благодаря чему, в итоге, наша гопкомпания и очутилась на Лыковой Дамбе.

Ну вот, наконец, улица Добролюбова и «вертеп лицедейства» – училище. Цель «похода» – узнать время и правила приёма. Немного робея, входим. После яркого солнца – прохладный то ли полумрак, то ли полусвет... Снуёт туда-сюда какой-то молодой народец, пока не обращая на нас внимания. Тормозим ближайшего шкета, немножко путано пытаемся втолковать ему цель визита. Он «снизу вверх», но с несколько брезгливой интонацией «сверху вниз» начинает переспрашивать, завязывается немножко нервный диалог, реагируя, подтягиваются другие студиозусы... Сыпятся вопросы с подковыркой, ребята входят в раж и начинают откровенно издеваться над залётными «фраерами ушастыми». Сдерживаясь, пытаюсь реагировать по возможности спокойно. Тем не менее, боковым зрением вижу, как страшно бледнеет цыгановато-смуглое Витькино лицо, и понимаю, что сейчас случится непоправимое... У Витьки в посёлке репутация первостатейного бойца, на моих глазах он спокойно «укладывал» троих, а то и пятерых во время клубных танцулек после ритуального предложения ему: «Давай выйдем». Да и мы с Лёхой не сильно робели, и опыт соответствующий был. Так что училищная ребятня в своём снобистском раже явно недооценивала возможности трёх пролетариев...

Даже сейчас, спустя немереное количество лет, успешно закончив ГТУ (но уже в других стенах, на теперешней Варварке), я с некоторым содроганием вспоминаю наше приключение и понимаю, что было бы, если бы... Тогда же мне как-то удалось отгеснить моих товарищей, которые уже были ко всему готовы, и училище покинули не без сожаления и с явной неохотой, да и пеняли мне потом, что я, мол, струхнул, «киксанул» и прочее.

Условия и правила приёма, понятное дело, я в тот раз не узнал, но справедливости ради, оглядываясь назад, реально вряд ли был готов к поступлению. Слишком уж спонтанной была эта «попытка». А вот после студии при Народном театре в новеньком, недавно отстроенном, великолепном Дворце культуры ГАЗ, выражаясь «высоким штилем», желание связать судьбу с профессиональным театром стало более, что ли, внутренне оправданным и осмысленным... Не приемлю термин «само-

деятельность», особенно применительно к тогдашнему Народному театру ДК ГАЗ. Это был замечательный любительский(!) коллектив, которым руководил необыкновенно талантливым интеллигентным Н. В. Никольский, а студией при театре – молодая выпускница московского Института культуры З. Н. Куликовская. Вот тут я «заболел» театром всерьёз и неизлечимо!

Во время вступительных экзаменов запомнилась какая-то запредельная жара, от которой толпа «жаждущих приобщиться» спасалась на противоположной стороне тогдашней улицы Веры Фигнер, перебегая от училища театрального, к училищу художественному. Там была относительная тень. Остальное же – как у всех и во все времена – мандраж до полубоморока «во время», муки ожидания результата, щенячья радость у списка зачисленных и полное неведение о том, что будет «после того»...

Поступил неожиданно легко, хотя возраст был почти запредельный – 22 года. К счастью, были и другие «старики»: В. Симакин, А. Бурков, и на деле курс делился примерно пополам, тех, кто уже имел диплом о среднем образовании, и – «восьмиклашек». Ну и, как исторически выдал наш первый космонавт, – «Поехали!»

Курс изначально набирал известный режиссёр и педагог Ефим Табачников. Но что-то тогда у него «не срослось», и курс достался Валерию Семёновичу Соколову. «Классной дамой» стала педагог по французскому Софья Владимировна Гуревич. Это было, в некотором смысле, единство противоположностей. Мягкий, тактичный, скорее показно-строгий Соколов и резковатая, порой громогласная, «командно-административная» Гуревич, решившая устроить на курсе нечто вроде республики ШКИД. Некое самоуправление с опорой на нас, великовозрастных. Справедливости ради должен сказать, что строгости Софьи Владимировны были скорее педагогическим приёмом, чем строгостями на самом деле. В жизни вне училища она была человеком одиноким. Мы были для неё и семьёй, и детьми, так что воспитывала и пестовала она нас, видимо, сообразно её пониманию материнского долга... Особенно это относилось к младшей половине курса, так как старшая скорее подыгрывала ей. Воспитывать нас – кого после работы на производстве, кого после армии и т. п. – было уже поздно... К примеру, на курсе был громогласно провозглашён «сухой закон» – в училище ни-ни, под страхом вплоть до отчисления. Да, до самого выпускного не позволяли (хотя, допускаю, что я могу чего-то и не знать). Но в наши коллективные броски на природу во главе с С. В, где запрет на горячительное также был «юридически оформлен», тем не менее, цинично втихую нарушался старшими, в том числе и автором. Есть документальные фото с нашими наглыми рожами – после самогонки из армейской фляжки, да под костровый кулеш... Где брали? Родители одного из участников невинного «шабаша» нарушали-таки советские законы путём изготовления первосортного «самопляса». Такая вот цепочка беззакония!

Первый курс промчался весело, счастливо и в целом благополучно, если не считать понесённых первых неизбежных потерь «за профнепригодность». Меня, к счастью, чаша сия миновала, но радовался я преждевременно и недолго...

Второй курс. Начались отрывки из пьес. Мне и Любе Чикшеевой достался отрывок из – на мой взгляд – далеко не гениальной пьесы Тренёва «Любовь Яровая». Прощально-любовная сцена, искусственная и надуманная (как, впрочем, и вся пьеса), где белый офицер Яровой пытается правдами и неправдами вернуть себе любовь жены, идейной большевички (простите за невольную тавтологию), этой самой Любви Яровой. И вот тут и начались все муки ада, так как выяснилось, что я совсем ни в зуб ногой, ни в рыло лаптем, ну, не могу «играть любовь», да ещё шершавыми плакатными словами, против которых протестовало всё моё естество. Как ни бился со мной добрейший, деликатнейший, терпели-

Люда Лопатина – внизу, выше и слева – Пётр Больных, правее – Ольга Варфаламеева, ещё выше и слева – Витя Симакин, далее – Валя Дидечко, Алик Ефремов, выше, с кружкой – Таня Корнеева

вейший мастер курса Валерий Семёнович Соколоверов, дошло до того, что я буквально тащился на очередную репетицию, как на каторгу, в глубине души уже догадываясь, что дела мои начинают явственно отдавать тухлецей. Тем более, что Люба уже тогда числилась в любимчиках В. С., и он, конечно, был заинтересован в её успехе. А тут я – в ступоре и гирей на ноге. Наконец, в один из репетиционных моментов явно отчаявшийся В. С. стал намекать, мол, может быть, нам с Любой как-то в жизни получше приглядеться друг к другу, как-то самостоятельно порепетировать, побыть наедине, ну и т. п. Сказано – сделано, стали «приглядываться», уединяться в свободных аудиториях, оставаться после окончания репетиций...

Чем заканчиваются, по большей части, такие «эксперименты» – дело известное немереному количеству когда-либо учившихся в театральных учебных заведениях. Коготки увязли, птички и пропали! А итоги, понятное дело, у всех разные. Что касается нас, то где-то через год, в 1972 году, на последнем курсе и случилось событие, запечатлённое на свадебных фотках... Самое же печальное то, что с изначально поставленной задачей я таки, увы, не справился, точнее, справился, но скверно.

Дальше случилось следующее. Не знаю, были ли это педагогический приём, или на самом деле просто сработали простая жалость и участие в моей горькой судьбине (хотя, справедливости ради, тут я малость «соврамши», на курсе я всё-таки не был в числе окончательно безнадежных), но, тем не менее, после показа отрывков и промежуточного вердикта В. С. кто-то из молодых педагогов шепнул мне на ушко, что я крепко «завис». Более того, обнаружилось то, что на языке театра называется «несоответствием внутренних и внешних данных». Соколоверов пытался из меня вытащить так называемого «социального героя», а я никак не вытаскивался, и всё тут! Надеюсь живописать моё состояние нет нужды – отучиться полтора года, и адью?! Нет, это в мои планы не входило никак!

Надо сказать честно, я никогда не относил себя к титанам духа, но некоторая способность концентрироваться в трудную минуту, без ложной скромности, мне была свойственна уже тогда. Пример барона Мюнхгаузена – сам себя за волосы да из болота – выручил и в этот раз!

1969 год. Однокурсники.
Слева направо:
Юра Аксентий,
Петя Больных
и Алик Ефремов

Как известно, в училище бытовала традиция: кровь из носа, но первого апреля курс должен выдать на-гора самостоятельно подготовленные отрывки, сцены, инсценировки, короче – что кому в голову взбрeдeт. Обязаловки, вроде как официально, не было, но проманкировавших, думаю-таки «брали на карандаш». Так что народ прямо рвал известное место «на германский знак», и кое-кому иной раз удавалось показать себя с неожиданной для педагогов стороны. Так случилось и со мной.

Я (как, впрочем, многие тогда) шибко увлекался Александром Грином. Как раз, где-то в это время, появилось собрание его сочинений. Читали взапой, всасос, баадея от никогда небывалого, но такого притягательного, открывшегося неведомого мира. Хотя, если судить по первому тому собрания, начинал он как абсолютный реалист, а, к примеру, рассказы «Кирпич и музыка» или «На досуге» (именно его я инсценировал и показал, чем и спасся в итоге) сюжетно и стилистически близки, на мой взгляд, к Горькому и Короленко. На показе же сказать, что успех был полный, – ничего не сказать! А главное – я «выдупися» как актёр характерный, комедийный, хотя, несмотря на это, в моей последующей, до поры весьма успешной актёрской биографии роли были всяко-разные, были в том числе и «героические», и с любовным душком... Скажем, после окончания училища я попал в Русский театр в Чебоксарах, где и сыграл впервые на профессиональной сцене свою первую «главную» роль – Савву Геннадьевича Василькова в пьесе Островского «Бешеные деньги». Чуть позже была Школа-студия МХАТ, Новый Драматический театр, но, как любит говорить Леонид Каневский в конце своей криминальной передачи, это уже совсем другая история.

Должен сказать, что учились мы, не побоюсь сказать, с каким-то всеёлым остервенением и азартом! Помнится, шёл урок сценречи – в малой аудитории, той, что рядом с директорским кабинетом. «Работали» коллективно над «Весёлым путешествием от А до Я» Самуила Маршака, стихотворной иллюстрацией азбуки для детей. В какой-то момент мы настолько вошли в раж, что нашу любимую, но достаточно строгую и сдержанную на эмоции Людмилу Александровну Булюбаш буквально пробил смех до слёз, а похвалой сквозь этот смех – слова: «Ну, дураки! Ну, дураки!» Добиться такой реакции от Л. А., доложу я вам, дорогого стоило. Мало того, что она была (по справедливости!) строга, но и на похвалу достаточно скупа. В то же время педагогом она была высшей пробы и многих из нас вылечила от речевых «заковык», меня, к примеру,

от скороговорки и лёгкого, к счастью, пришепётывания.

А у Ирины Алексеевны Дацук, педагога по сцендвижению и фехтованию, мы просто рвали и металы! Мало того, что она была молода и, как в давние времена говаривали, «хороша собой» (в неё была влюблена практически вся мужская часть курса) – она стажировалась у самого Александра Массарского – трюкача, каскадёра, практически основателя советской киношной каскадёрской школы (не путать с П. В. Массальским – знаменитым актёром и педагогом МХАТ). Её темперамент и энтузиазм были заразительны, мы ползали, кувыркались, прыгали, насмерть дрались на фехтовании, я, к примеру, дважды получал (к счастью от барышень) тычки рапирой под нос и в подбородок – чуть бы ниже или выше, и передних зубов как не бывало! Обошлось. Или приёмчик, назовём его допрос или «пытка партизана». «Партизан» сидит на стуле, руки за спиной. Напротив – следователь (или как там его), вдруг следователь бьёт партизана прямо в «тыкву», тот валится вместе со стулом назад. Чего проще?! Ан нет, тут целая наука.

Вся штука в синхронности действий обоих. Если у «бьющего» задача вполне простая: пронести в момент «удара» кулак правой вблизи лица партнёра, не задев его, одновременно левой ладонью незаметно шлёпнув себя по груди для озвучки удара, то у сидящего дело посложнее. В тот же момент удара он должен откинуть голову назад, затем вперёд, сгруппировавшись ближе к коленям, толчком послать тело назад, упасть вместе со стулом на мат, задний кувырок – и дело в шляпе!

Меняясь попарно, осваиваем трюк, барышень, понятно, страхуем. Доходит очередь до очередной пары. Дело давнее, поэтому назову их просто по именам (подлинным) – Толя и Люба. Сперва Люба по-дамски неубедительно «завалила» Анатолия, затем настал его черёд. Дацук настойчиво:

– Любаня, ты поняла, голову сперва НАЗАД, а потом ВПЕРЁД, запомнила?

– Да запомнила, запомнила!

– Ну, давайте!

И тут в момент Толиного замаха Люба всё делает с точностью наоборот, то есть голову сразу ВПЕРЁД... Падение назад было самым правдоподобным моментом в этом трюке, а лёгкий нокдаун и здоровая шишка на лбу – наградой за сообразительность и реакцию.

Был ещё некий загадочный предмет под названием «ритмика». Вела его Лидия Ивановна Гостева. «Дама в летах», бывшая некогда балериной, бесконечно добрая, немножко причудливая. На её уроках мы учились ритмично двигаться под музыку. Это был некий симбиоз, что ли, сцендвижения и танца. На экзамене в финале показа мы сначала под трагическую и ритмичную музыку так же ритмично поднимали и несли в сторону комиссии «труп» одного из товарищей, а потом так же ритмично и грозно шагали на неё клином с «вожаком» во главе под мелодию вроде «Марсельезы». Несмотря на возраст, ум у Л. И. был ясный. Водился за ней грешок стихотворчества. Любила она к случаю «накропать» забавное стихотворное поздравление, неизменно имевшее успех.

Ещё одной, возможно не самой заметной, но весьма колоритной персонай был Михаил Фёдорович Якунин – педагог по гриму. Появлялся он ближе к дипломным спектаклям. И хотя его предмет был чем-то вроде факультатива, я, грешное дело, любил что-нибудь сотворить с «мордой лица» и уроков М. Ф. не пропускал. М. Ф. был актёром Горьковской драмы, грим преподавал в свободное время, но делал это истово, с громадным энтузиазмом, вплоть до того, что фотографировал удачные наши эксперименты. Их он предлагал навалом – портреты исторические, живописные, литературные и т. п., затем оформлял это дело в большой стенд, который и выставлялся. Помню его укоризненный и нарочито грозный окрик по поводу нашей нерадивости или манкирования задания: «Пропуделяли!!!»

С высоты теперешнего, немалого моего возраста с грустью вспоминаю свои «трещинки», не было рядом М. Ф., некому было ткнуть в них носом – «пропуделяя!» Правда, до сих пор так и не знаю, что значит это слово, хотя глубинный смысл почему-то понятен...

Не хочу ручаться за других, но что касается меня, не помню, чтобы я злоупотреблял «пуделянием». Напротив, каждый день – кроме выходных – приходилось преодолевать немалое, даже по теперешним временам, расстояние от посёлка Мостоотряда (а это в Стригино, кто не знает) до площади Минина. А это сперва на трамвае № 8 до ДК Автозавода, а затем после реального побоища и штурма, в тесноте и давке, – на «челноке» в виде популярного тогда венгерского «Икаруса». Ну и обратно – тем же путём и способом.

К тому же, своё «разнообразие» вносили времена года, особенно зима. Подгрёбаешь на трамвае, а на остановке автобуса – приплясывающая толпа. Над ней пар столбом от дыхания десятков ртов. На «кругу» у дворца, соблюдая график, отстаиваются «Икарусы». Недалече иногда стоит гаишная «Волга», из тепла которой лениво в «матюгальник» призывают соблюдать порядок и очередь. Какая там очередь! Вдали трогается «Икарус», толпа приходит в движение, каждый старается занять выгодное «стартовое» место, автобус подходит – дальше всё зависит от удачи, силы и хорошей (!) наглости...

Надо сказать, что тогда, что сейчас народу «с автозавода» в центр ездило прорва. А добраться до него можно было только на благословенном «Икарусе». Пассажиры – студенты, преподаватели, разнообразный служилый люд и т. п.

Дополнительно к «везункам» на конечной народ набивался и «по ходу парохода». Думаю, что шпротам в банке было просторней, чем нам иной раз в довольно вместительном «Икарусе».

Кстати, нас, автозаводцев, в училище в год поступления попало довольно много. Все из студии при Народном театре ДК ГАЗ: В. Миодушевский, О. Варфоломеева и я – на актёрский, а из тех, кто «пролетел», но не безнадежно, впервые в истории (и, кажется, в последний раз) набрали экспериментальный курс будущих режиссёров народных театров. Так что в штурме «Икаруса» мы иногда участвовали единой боевой единицей!

Не хочу быть понятым неправильно. То, что я «живописал» выше, не жалоба на горькую судьбину, напротив. Маршрут до училища был скорее весёлым приключением перед «нырком» в тёплую, абсолютно родную училищную заводь.

Училище и правда было вторым домом. Думаю, кроме всего прочего, важными были два (на мой взгляд) момента: первый – компактность самого здания и всего, что в нём помещалось, что создавало атмосферу уюта и «домашности»; второй и наиглавнейший – наши преподаватели, подлинные энтузиасты-бессребреники, за мизерную зарплату возившиеся с нами как с собственными детьми (а те, у кого их не было, подзреваю, за таковых нас держали).

И очень важно сказать вот что: помимо общих знаний, помимо навыков будущей профессии и прочего (а скорее, в том числе и вместе с вышесказанным) нам делали весьма устойчивую прививку от пошлости. Это касалось и нас, великовозрастных, уже прошедших кое-какую «школу жизни», и «братьев наших меньших» на курсе. Помимо необъятных знаний большинство из них были для нас примерами большой культуры, не побоюсь этого слова – носителями «породы», что ли, как, к примеру, упомянутая уже Л. А. Булюбаш или особенно любимая мной Альбина Александровна Нестерова, педагог по истории живописи и русской и зарубежной литературы. Конспекты её лекций в нескольких толстых общих тетрадях я долгие годы хранил, пока они, увы, не затерялись во время переездов.

При этом характер у неё был далеко не сахар. На её лекциях народ вёл себя, как шёлковый, но НИКОГДА я не слышал от неё грубого, не

дай бог, бранного слова. Просто реакция и язычок у неё были настолько острыми, что она одной короткой, но убийственной фразой могла посадить «на пятую точку» любого оболтуса.

Но удивительно, это никогда не выглядело унижением или оскорблением для «объекта», настолько тонким и, пожалуй, благородным был её сарказм!

Я и до встречи с Альбиной Александровной читал очень много и всё подряд (перефразируя А. Райкина, «ходить, говорить, читать – начал одновременно»), но в какую-никакую систему мои чтецкие вкусы и предпочтения привела именно она. А уж её лекции по истории живописи – отдельная история! Чего стоил финальный «тест» на знание предмета горка толстых альбомов репродукций, А. А. на выбор быстро листает нужный, а ты с лёту должен назвать художника, именно назвать, не тугодумствуя и не гадая. И далеко не всем была по зубам эта «угадайка».

Наш МАСТЕР – Валерий Семёнович Соколовров. Далеко не богатырского роста и сложения, с мягкими манерами, движениями и жестами, с хитровой улыбкой, больше – глазами. У меня в памяти он остался чем-то похожим на чеховского грустного клоуна из «Каштанки» и знаменитого русского тенора Лемешева одновременно...

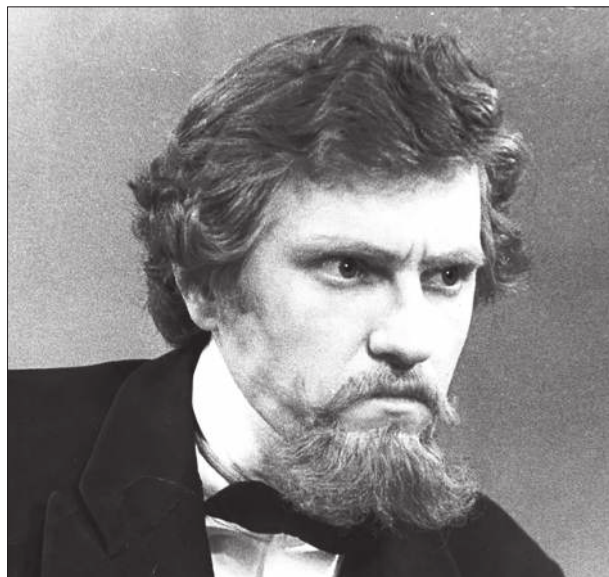
В работе он при всей своей мягкости бывал порой весьма строг и иногда довольно въедлив. Но НИКОГДА – груб, никогда не добивался желаемого путём оскорблений или унижения. «Кузькиной матерью» для нас, если он иногда выходил из себя (доставали, случалось!), было слово «МЕЩАНЕ!» Это был предел, и этого хватало с лихвой. А уж модной нынче нецензурщины ни от него, ни тем более от дамской части педагогов мы отродясь слыхом не слыхали. Хотя один таки (один!) за три с половиной года случай был. Но это было из ряда вон, было скорее курьёзом, исключением из правила!.. Дело было так.

Подошло время дипломных спектаклей. Работаем над «Бесприданницей» А. Н. Островского. Уже из аудитории перешли на сцену, пошла «сборка» спектакля, прогоны, и вот идёт очередной – в некотором смысле рутинный, то есть с остановками, тонкой дошлифовкой взаимоотношений персонажей, уточнением мизансцен и т. п. Остановки случаются долгими. Те, кто на этот момент свободен, понятное дело, болтаются «в пределах видимости», кто где, в зависимости от близости на выход. В какой-то момент на репетиции вдруг появляются директор Т. В. Цыганкова и речевик Л. А. Булюбаш и тихонько садятся за спиной В. С. Неведомо, что там произошло в его голове, но В. С. вдруг прекращает остановки, и прогон начинает катиться так, как если бы он в одночасье стал генеральным. Но кое-кто из народа, чей выход далеко, про это – «ни уха, ни рыла!» Хариту Игнатьевну Огудалову, мать главной героини, играла наша красавица Ольга Варфаламеева. По ходу прогона (если бы с остановками, понятно) было далеко до её выхода, поэтому она расслабленно в уголке, недалече от сцены, с кем-то трепалась... А тут как раз её выход, а её нет как нет! И вот тут-то и раздался грозный рык деликатнейшего обычно В. С.: «Варфаламеева! Мещанка! Ж...па!!!» Дальнейшее понятно: Ольга в слезах и соплях вылетает на сцену, кое-как справляется с «горем», прогон катится дальше своим чередом... Оли, увы, уже нет на свете, но я прошу у неё прощения за эту вольность, была бы жива – спросил бы разрешения на это «откровение». Мало того, что мы были дружны с ней (а в своё время ещё на первом курсе я предложил В. С. её посмотреть, обнаружилась нехватка героини, и её взяли), вчетвером, включая Олю, мы попали в Русский театр г. Чебоксары, затем нечасто видались уже в Москве.

Кстати, для меня «Бесприданница» неожиданно стала «козырной картой», выигрышным лотерейным билетом...

В спектакле мне досталась далеко не главная, или, как сейчас говорят, роль второго плана – Мокий Пармёныч Кнуров. Репетировать я начал без особого энтузиазма. Хотелось откровенно другую, о чём я даже

поведал В. С., мол, готов даже вторым составом и т. п. На что получил категоричный отказ с формулировкой: «Знаю точно – сыграешь хорошо, а вот ты мне Кнурова хорошо сыграй!» Ладно, проехали, но задело здорово. А хорошая злость, точно направленная в нужное место, как известно, делает чудеса. Что и случилось с моим Кнуровым. Ухватил-таки «зерно» роли, причём сразу сам и не понял, как вдруг в один момент «попёрло»! А если серьёзно, вообще очень важно слышать не только режиссёра, но и СЕБЯ, беречь и, если угодно, холить и лелеять свой внутренний мир, внимательно прислушиваясь к этой самой (по Станиславскому) «жизни человеческого духа», как бы, казалось, ни навязла в зубах эта хрестоматийная фраза...

*В роли Мокя Пармёныча
(«Бесприданница»)*

Я однажды открыл для себя, что в построении роли часто иду от «внешнего к внутреннему». То есть мне скучно играть с «лысой мордой», ну хоть бородавку, а прищипандорю, не говоря о таком важном компоненте, как костюм! В. С. сам в прошлом, бывший блистательным ХАРАКТЕРНЫМ актёром, всячески мою тягу поддерживал, мало того – подпитывал дельными советами. Например, грим для Кнурова надумали взять (совет В. С.) с портретов Немировича-Данченко. Абсолютного сходства не искали, да и нужды не было, но «по мотивам» – имелось в виду. А уж если совсем до конца о мотивах, то крылатую фразу про «диван для распределения ролей» современники недаром связывали с именем великого реформатора театра, и, видимо, на подсознательном уровне, это тоже легло в копилку поисков «зерна» Кнурова. Эта роль и определила (как это ни пафосно звучит!) мою судьбу на годы вперёд...

А в год выпуска (а это был, страшно представить, 1972-й!) «на диплом» комиссию возглавлял профессор Школы-студии при МХАТ Виктор Карлович Монюков, от которого и последовало приглашение продолжить учёбу на его курсе. Правда он счёл, что мне, великовозрастному, нечего делать на втором курсе, и предложил приехать сразу на третий. После чего я благополучно и очень плодотворно отработал сезон в Чебоксарах. Затем Москва, Школа-студия...

Знаю немало людей, сдвинутых на мистике, верящих в гороскопы, приметы, предсказания, всякие «кармы» и «ауры», в плодящихся со скоростью навозных мух «экстрасенсов» и «целителей». Коротко – это не про меня. Мне как-то ближе суждение, высказанное уже давненько одним весьма успешным и благополучным человеком «из телевизора». Его спросили – как, мол, добился? На что был ответ: «Я умел ловить знаки...» Тут – никакой мистики. Просто, идя по жизни, мы зачастую не замечаем её «подарки». Будь это событие, случай, встреча или, наоборот, расстава-

ние, душевная или телесная травма. А мы впопыхах проходим мимо, не видя, не чувствуя, не понимая. А ведь это был «знак», угляди его – и он мог круто изменить эту самую жизнь...

Сознаюсь, я этих знаков проглядел немало, но один, возможно самый важный, всё ж таки «ущучил».

Речь пойдёт о поощрительной поездке курса в Москву. За давностью события забылось, весь ли курс отправился в первопрестольную или какая-то его часть – не суть важно. Главное, приехали, где-то как-то расположились, была организована некая «культурная программа», среди прочего розданы контрамарки в разные театры, а самое важное – намечено знакомство со Школой-студией МХАТ.

Не скрою, для меня уже тогда (или особенно тогда?) поход в Школу-студию был равнозначен паломничеству истово верующего в святые места. Я не утрирую! Это истинная правда! Именно такие чувства я переживал уже на подходе к институту, а уж когда мы вошли, то, выражаясь плохим литературным слогом, «священный трепет обуял...» Не вру. Ей-богу! Правда, тогдашняя («намоленная») студия располагалась в другом месте, нежели теперешняя. Если стоять лицом ко МХАТу – была справа от него, теперь слева. Пешком по широкой лестнице мы поднялись на второй этаж, робко вошли. Был и лифт, громыхающий распашной дверью, но использовать лифт студентами считалось «моветоном» – он для педагогов-небожителей!..

Справа от входа, в уголке напротив гардероба, сидела худенькая, неведомого возраста, но, как выяснилось позже, довольно бодрая старушка и весьма грозно поглядывала на нас, сразу давая понять гостям незваным, кто в доме хозяин! Глядя на неё, в тот момент я по серости своей абсолютно был уверен, что она подавала – мне думалось, почему-то именно шубы – (самим!) Станиславскому и Немировичу-Данченко – чего, понятное дело, быть не могло ни по каким соображениям. Но тогда у меня сомнений не было, и, как оказалось, отчасти чутьё меня не подвело. Эта тщедушная и довольно ехидная старушка, как выяснилось позже, была и ходячим анахронизмом, и своеобразным талисманом Студии. Её уважали педагоги и побаивались студенты... Она, случилось, действительно помогала одеваться перед уходом тогда уже весьма пожилым великим «старикам» – Станицину, Яншину, Грибову, Кторову. В. Я. Станицин, к примеру, активно преподавал на том курсе, куда я позже попал, другие так же – либо понемногу преподавали, либо, являясь членами кафедры, выносили нам свои вердикты на экзаменах по «мастерству». Старушку же звали, как я узнал в своё время, Софьей Ароновной (фамилию, увы, память не сохранила). На деле её ехидство и строгость во многом были напускным, хотя и необходимыми. А как иначе быть с порой безумной и на нормальный взгляд, придурковатой актёрской вольницей!

Далее, по плану, мы были представлены «великому и ужасному» ректору Студии Вениамину Захаровичу Радомысленскому. «Партийные клочки»: В З, папа Веня.

Невысокого роста, плотный, коренастый (бывший моряк!), с почтенной лысиной, В.З. обладал внешностью строгой и одновременно к себе располагающей. Его, естественно, побаивались, при этом уважали и искренне любили. А его традиционный клич в конце общего собрания Студии первого сентября: «По коням, родные мои!!!», – с нетерпением ждали: «ПАПА» благословил! Справедливости ради, скажу, что все эти подробности я узнал существенно позже и уж точно не в день «экспедиции посещения».

Затем посидели на «мастерстве» на курсе величественного, невероятно обаятельного Павла Владимировича Массальского... И когда прощались со Студией, уже где-то перед самым выходом, что называется, «звоночек прозвенел!» Прошибла мысль: хочу! Хочу вернуться и ещё подышать этим воздухом, хочу посидеть рядом с этой ехидной старушкой, побродить по этим коридорам и аудиториям, пока ещё живы, хот

мысленно прикоснуться к великим старцам, царящим в этих стенах! Пафосно? Да ни черта! Я действительно так думал и чувствовал в тот момент, и наша экскурсия, если можно так сказать, в Школу-студию оказалась для меня знаковой и очень значимой, хотя осознал я это много позже самого события.

Небольшое, но забавное приключение случилось в те же дни у «старого» театра «Современник», того, что располагался на теперь уже бывшей площади Маяковского в старинном, совсем не похожем на театр особнячке. У нас – О. Варфоломеевой, В. Симакина и у меня – контрамарка «на два лица» на троих. Театр буквально в осаде – толпа театралов жаждет лицезреть шатровских «Большевиков». Шансов добыть что-нибудь ещё на одно лицо – ровно ноль. Понятно, что одно «место» в контрамарке Ольге было подарено сразу и без обсуждения, оставшееся разыграли на двоих. Повезло Виктору, я в пролёте. Выхода, естественно, два: либо уйти восвояси, не солоно хлебавши, либо что-то предпринять. Быстро соображаем, что делать, и идём к служебному входу. Там, по счастью, из «страждущих» неожиданного никого. Времени до начала спектакля ещё достаточно. Стоим, ждём. Судите сами: «знак» это или нет, но первыми, кого мы увидели неспешно и даже как-то вальяжно подходивших к театру, были Евгений Евстигнеев и Анастасия Вертинская. Он, церемонно и как-то «по-старорежимному», несколько отставя руку, держал её калачиком, и она, Вертинская, – рядом, слегка опершись на эту руку. Хрупкая, как будто плывущая по воздуху...

В башке слегка закружилось, но справляюсь, делаю несколько шагов навстречу, кланяюсь и немного бессвязно представляюсь. Причём из боязни, что остановят и пошлют «по адресу», выпаливаю подряд – кто я, что я и откуда! На лице Евстигнеева, наверное, от моей наглости, сперва лёгкое недоумение, потом знакомая ироничная с хитрецей, но милостивая улыбка... Поняв, что я из Горького, из училища, спрашивает: «Чей курс?», отвечаю: «Соколоверова», – и по реакции понимаю – дело в шляпе! Минут через пять-десять на руках контрамарка «на два лица». Оглядевшись, на лишнее «место» прихватываем незнакомого парня с просительно-страдальческим выражением лица человека, близкого к суициду – счастлив до полубоморока.

Дальше – спектакль. Понятно, смотрим стоя, где-то в задних рядах, в духоте, к тому же мешают какие-то нелепые деревянные колонны, но все эти помехи чепуха – мы в «СОВРЕМЕННОМ»!

Теперь училище, по справедливости, носит имя Евгения Александровича. А я эту встречу берегу в памяти, и хотите – верьте, хотите – нет, считаю для моей судьбы знаковой.

История, которой я немножко горжусь, связана с движением студенческих строительных отрядов. Мы были первыми среди учебных заведений, дающих среднее образование, да к тому же творческого профиля, кому было позволено пересечь границу области. Это было прерогативой исключительно вузов, а техникумы и прочая «мелочь» – довольствовались строительством коровников-свинарников в ближайшей округе.

Не помню уже, как вообще родилась эта идея, но её реализации немало помог сын А. А. Булюбаш Борис – он учился на физфаке в университете Лобачевского. Путём сложных переговоров с тогдашними комсомольскими вождями нам в конце концов было дано добро, как тогда говорили, «сверху» – были отобраны восемь человек из числа училищных «дедов», после чего нас влили в университетский отряд, числом аж шестьдесят человек, включая нашу группу. Разрешительная формулировка для нас – «для контактов с местным населением». «Сборы были не долги...», получили отличную стройотрядовскую форму, далее – поезд Горький–Ухта (кто не знает – Коми-Пермяцкий нацокруг), ну и поехали! Было нас – целый эшелон. Ехал далеко не только университет, но и отряды других горьковских вузов, так что когда на остановках народ вываливался на перрон размять конечности – это было зрелище!

По прибытии разместились в местной школе, где и прожили всё лето. Работали много и, не скрою – тяжело, особенно поначалу. Как ни крути – это был север, но жара стояла несусветная.

Нас «бросили» на укладку асфальта, и где-то после недели работы я, к примеру, получил тепловой удар, почти потерял сознание... Обошлось. Отлежался полсуток, и – вперёд! Потом земляные работы – копали почти бесконечную канаву под укладку канализации, ну и прочие «трудовые будни» из разряда «бери больше – кидай дальше!»

Работа – работой, но запомнилось более всего всё-таки другое. Эти самые пресловутые «контакты с аборигенами», для которых нас, собственно, и взяли. Через короткое время была сколочена, как тогда говорилось «агитбригада», ядром которой сделали нас. Базой стал местный клуб неподалёку. Там нашёлся кое-какой реквизит, музыкальные инструменты. Я сразу «прихватизировал» ударную установку. Университетские руководы путём несложных для них манипуляций быстро подключили акустические гитары через усилитель к колонкам...

Замечательные были ребята из университета! Головастые, рукастые. С помощью «потрохов» от аналоговой телефонной трубки махом превращали обычную акустическую гитару в подобие «электро», которая подключалась к также самодельным усилку да колонкам. При этом многие вполне владели «тремя аккордами», знали бездну кострово-дворовых и авторских песен, а к ним в компанию наш Юра Аксентий. Вот и «вокально-инструментальный ансамбль!» Нам тоже пришлось быстро доказывать, что нас взяли не зря, тем более, времени на раскачку особенно не было. Так что наша «концертная бригада» родилась довольно оперативно.

Начали, к неописуемой радости местных, как сейчас бы назвали, с «дискотеки» (тогда такого слова ещё не было в употреблении), а попросту говоря – танцулек – в том же клубе.

*Стройотрядовцы.
Слева направо:
В. Симакин,
П. Больных
и Ю. Яворовский
(внук ветерана
театрального
училища Георгия
Аполлинарьевича)*

А там, не откладывая в долгий ящик, начались «гастроли» собранной агитбригады по разбросанным на просторах Коми строительным организациям – мехколоннам, ЛЭП и прочим. К предприятиям, на которых мы «концертировали», нужно ещё добавить буровые установки (есть в Коми такое место – Вуктыл, там добывают нефть редким *шахтным* способом).

Понятно, что в медвежьих углах, куда нас порой заносило, успех был бешеный, уж очень благодарными были наши неизбалованные зрители.

Замечу, что от работы при этом никто не освобождал, и наши репетиции, и гастроли – в свободное от неё вечернее время. Зачем всё это было нужно? Дело в том, что за активную, т. н. «общественную работу» с местным населением отряду в актив начислялись некие баллы (или, как сейчас бы сказали, «бонусы»), которые скорее были нужны «отцам-командирам» для отчёта перед комсомольскими начальниками. Но если не ошибаюсь – то и нам, «агитбригадникам» (помимо благодарностей «в приказе»), кажется, что-то накапало вдобавок к основной зарплате...

Вообще же отряд был с давними, как говорят, «освящёнными» временем» традициями, сухой закон, к примеру, – одна из них. А пресловутые контакты с «аборигенами» не ограничивались танцами-шманцами; в былые времена и других местах бывали легендарные, изустно передаваемые истории о побоищах с местной гопотой. В наш заезд обошлось, но было близко к тому. В экстремальной ситуации банальный клич «наших бьют!» ушёл в небытие, вместо него был принят более, что ли, нетривиальный – «алабама!»

Несмотря на некоторую расистскую отдушку, с чернокожими он реально не связывался, да и где их было взять, чернокожих, в тогдашнем СССР, да ещё в необходимом количестве, да в глубинке, ну и опять же – интернационализм! Но клич, тем не менее, «имел место», и мне довелось-таки его услышать не в шутку, не впустую, а на деле.

Вечер. Скоро отбой. Народ занят кто чем: одни уже подрёмывают, другие пишут письма, читают или потихоньку болтают о том, о сём... Я, к примеру, в компании с ребятами из университета занимался оформлением необъятной по размеру стенгазеты... Покой, тишина, отдохновение, одним словом.

Вдруг неожиданно громкий телефонный звонок (телефон стоял на подоконнике в общем школьном «променаде»). Дежурный по отряду берёт трубку, короткий и явно тревожный диалог, после чего истошный вопль – а-ла-ба-ма-а-а-а!

Реакция мгновенная. В считанные секунды народ (включая уже спящих) срывается с раскладушек. Кто в чём: кто – не обременяясь одеждой, успевает натянуть лишь штаны, буквально впрыгивает в сапоги, ботинки – и на выход! В тамбуре, сразу после входа в школу, в углу стояла порядочная кипа сломанных черенков от лопат (для отчёта, что ли, т. к. на асфальте, на земляных работах лопат ломалось немало), и выбегающие буквально выхватывали их, как винтовки из пирамиды...

Тишина. Полутёмный, почти уже ночной посёлок. По асфальту молча, грохоча сапогами, плотно спаянной толпой куда-то бежит около полуотны полуодетых, частично вооружённых обломками лопат мужиков... Жаль, что мало кто видел нашу «когорту», думаю, впечатление было бы незабываемым.

Наконец, весьма скоро прибываем на «точку». Высокий бетонный забор, капитальные металлические ворота, за воротами наш командир и, дай бог памяти, ещё какие-то люди...

Из-за чего сыр-бор? Дело в том, что это была территория ПМК (передвижной мехколонны), на ней базировался девичий стройотряд с предсказуемо-оригинальным названием «Нежность». Наш отец-командир вёл там какие-то межотрядные переговоры, и тут вдруг в ворота ПМК ломятся пьяные местные гопники. Как быть? Конечно – «алабама!»

Думаю, лихие хлопцы услышали-таки грохот наших сапог и вовремя, к счастью для себя, убрались. На чём инцидент был исчерпан. На утреннем построении отряду перед строем была объявлена благодарность за оперативность и прочее. Ответом было традиционное громогласное: «Рады, рады, рады! Хай, хай, хай!»

...Эшелон прибыл в Горький утром первого сентября, и мы прямо с вокзала – в училище, да к тому же на общее собрание! В защитной стройотрядовской форме, загорелые, как черти, оборудатевшие – были встречены, по меньшей мере, как героини-папанинцы или космонавты. А директору были вручены наши «призы»: грамоты от разных организаций. И ещё один, по-теперешнему самый «прикольный», которым нас наградили после концерта строители ЛЭП. Это был здоровенный, блестяще-коричневый фаянсовый ролик, из тех, что гирляндами висят на высоковольтных линиях, с замечательной, искренне-наивной надписью «ЗОЛОТОМ» на боку. Целиком её, понятно, не помню, но смысл! «ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ Горьковского театрального училища...», ну и так далее. Надеюсь, ролик сохранился в музее «альма

матер» (если таковой существует). Коли да, то интересующиеся смогут лицезреть.

А училище с того времени на постоянной основе вузы брали «на усиление», пока не приказал долго жить СССР, а с ним и стройотрядовское движение.

Заканчиваю «свой рассказ бессвязный». Получилось, как кажется, несколько «галопом по европам», но, как известно, объять необъятное – задача невыполнимая, да я и не стремился к ней.

О чём ещё на прощанье хочется сказать? Да всё о них – тех, кто учил меня уму-разуму в тогдашнем Горьком, а позже и тех, кто в Москве...

Помню забавный диалог с уже упомянутой бабушкой Софьей Ароновой. Коротая время, сидя рядом с ней в её уголке у гардероба (дело было спустя недолгое время после моего приезда в Школу-студию). Сидим зато мы с ней, я помалкиваю, говорить особенно не о чем, да и не в своей тарелке я, не осмелел ещё. Выручает она вопросом, эдак вкрадчиво:

– Ты откуда приехал?

Я, радостно:

– Из Горького.

– Из Горького?

– Да, из Горького.

– И хороший у вас город?

– Да, в общем, неплохой.

Голос старушки всё елейней:

– А учился где?

– В театральном училище.

Носом чую, что вязну, как муха в меду, но отступить некуда.

– Ну и хорошее у вас училище?

Выкладываю чистую правду:

– Замечательное!

Елей окрашивается явными нотками ехидства:

– А как педагоги, хорошие?

Иду ва-банк и абсолютно искренне:

– Великолепные!

И тут получаю увесистую словесную плюху:

– Да что ты врёшь, не может быть в каком-то Горьком замечательных педагогов, вот у нас – педагоги так педагоги! – Ну и так далее...

Невдомёк было старушке, что позже у меня *ни по одной* вузовской дисциплине, включая главную – мастерство актёра, вообще не было никаких проблем. И в этом были «повинны» исключительно мои «никакие» педагоги из «никакого» города Горький! Кстати, важным условием зачисления в Студию была передача общеобразовательных предметов за два предыдущих года (причём ни общежитие, ни стипендия на третьем курсе мне не полагались), а также вместе со всеми – зимней и весенней сессий.

Для меня на всю оставшуюся жизнь что горьковские, что московские педагоги, как ни пафосно для кого-то прозвучит – святые! При том, что были они людьми живыми, наверняка в их жизни были и ошибки, и заблуждения и, возможно, некрасивые поступки, или, как говорят, «скелеты в шкафу». Ничего эдакого я не знал, не знаю, а если бы даже ненароком что-то и узнал – это ни на йоту не изменило бы моего к любому из них отношения. Только любовь, беспредельное уважение и почитание их памяти, ведь большинства из них уже давно нет на свете.

И ещё. На вопрос – что такое счастье, как известно, нет однозначного ответа, у каждого – своё. Известно также, что его много не бывает. И я, как любой человек, бывал счастлив по разнообразным поводам. А бывал и несчастлив. Бывали большие удачи, случались и, не побоюсь этого слова, ужасные провалы. Но дни и даже годы абсолютного, безмерного, безоговорочного счастья были точно мне подарены дважды – Горьковским Театральным Училищем и Школой-студией при МХАТе. Моя бесконечная благодарность им и низкий поклон.

Ну и, наконец, последнее. В Школе-студии, уже на третьем курсе, где-то к концу второго семестра, наш мастер профессор В. К. Молюков стал поговаривать об организации театра на базе этого самого курса. На диплом мы выходили аж четырьмя спектаклями, ставшими первым «заделом» в итоге состоявшегося Московского Нового Театра...

А открывался театр спектаклем по повести К. М. Симонова «Из записок Лопатина», где этого самого Лопатина я и сыграл.

Не буду останавливаться на драматургическом качестве самой повести и её инсценировки, скажу только – роль далась мне непросто. Но в итоге далась. Помогла она мне преодолеть мою нелюбовь, прошу прощения за невольный каламбур, к «игре в любовь» на сцене, помогла также решить проблему сценических слёз – и эмоционально, и, не побоюсь сказать, «технически». Кстати, моей любимой (да, пожалуй, лучшей!) замечательной партнёршей, в т. ч. и в «любовной сцене», была пришедшая на курс годом раньше меня горьковская выпускница Люба Новак.

Отдалённость от центра, небольшой зал и ряд проблем, о которых – разговор отдельный, вынуждали наш театр зарабатывать деньги на свободных площадках других московских театров.

Год не помню, но хорошо помню день – 9 Мая. Работаем на сцене (самого!) «Современника», в котором, кроме нас, шёл одноименный спектакль с М. Неёловой, В. Гафтом, К. Райкиным и другими звёздами знаменитого театра. Нас же Москва ещё толком и не знает.

Идём как в атаку! Какой-то особенный подъём, весь партер и глубже – сверканье и звон орденов и медалей, за кулисами волнение страшное! Вдохнули-выдохнули, спектакль пошёл! Через недолгое время по тишине, которая дороже всего на свете, понимаю: спектакль принимают, всё идёт как надо... Наконец, мой (Лопатина) финальный монолог, на удержанной где-то в гортани скупой мужской...

Долгие, такие дорогие, особенно из партера, благодарные аплодисменты.

Не спеша снимаем грим, передеваемся. Выходим. Но не через служебный вход театра, а прямо через сцену, зал, зрительское фойе. Зрителей уже нет, но небольшой группкой стоят самые главные и ярые патриоты театра: гардеробщицы и билетёрши. Равняемся с ними – вежливо, знаками останавливают нас. Одна, видимо «делегированная для переговоров», благодарит за спектакль, за ней дружно – остальные, затем вдруг заканчивает оглушающе неожиданно: «А знаете, ВАШ спектакль нам понравился больше, чем НАШ!» Это и есть самая лучшая для меня «рецензия» по сию пору...

Никогда всерьёз не страдал литературным зудом, не самовыражался в дневниках. Не мой конёк – «мемуары», хотя не скрою – жизнь я прожил отнюдь не скучную... На участие в журнале «подбил» хороший, уважаемый мной человек, к тому же одноклассник по любимому училищу А. В. Мюрисеп. С него и спрос за моё шероховатое повествование, в котором, возможно, что-то важное упущено, а второстепенное, напротив, выпячено и т. п. Так что прошу строго не судить.

И лучше Б. Пастернака всё равно не сказать:

Быть знаменитым некрасиво.

Не это поднимает ввысь.

Не надо заводить архива,

Над рукописями трястись... и т.д.

2018. Май-июль